

однако в своей литературной практике философы и писатели вновь и вновь обращались к нему. Не случайно Шопенгауэр переводил Грасиана, не случайно и Л. Толстой интересовался максимами. Парадоксальность максимы встречала с его стороны полное понимание, поскольку этому виду афоризмов было присуще то же «остранение», которое было характерно для его стиля.¹³ Но Л. Толстой пошел дальше французских моралистов. Из стилистического принципа, приема, подчас превращавшегося в словесную игру в духе маньеризма, изречение становится у него способом осмысления основных морально-философских вопросов и более того — средством познания человека.

(Перевод Р. Ю. Данилевского)

¹³ Подробно об этом см.: L a c h m a n n R. Die «Verfremdung» und das «Neue Sehen» bei Viktor Šklovskij. — «Poetica», München, 1970, Bd. III, H. 1—2, S. 226—249.